

НОВЫЯ КНИГИ:

Martin Buber. Die Chassidischen Buecher; Ich und Du; Zwiespreche; Koenigtum Gottes. I.

Мартинъ Буберъ — замѣчательный еврейскій религиозный мыслитель. Но значеніе его шире еврейской религиозной темы. Прежде всего поражаетъ его религиозная серіозность, его подлинность, онъ внушаетъ большое довѣріе. М. Буберъ перевелъ Библию вмѣстѣ съ умершимъ уже Розенцвейгомъ, тоже очень замѣчательнымъ еврейскимъ религиознымъ мыслителемъ. У М. Бубера — библейскіе истоки. Онъ не хочетъ быть отвлеченнымъ метафизикомъ и теологомъ. Онъ хочетъ обосновать свое религиозное мышленіе на миѣ. Поэтому онъ обращается къ хассидскимъ легендамъ. Омертвѣніе талмудической религіи закона вызвало въ глубинахъ еврейства реакцію мистическаго и миѣотворческаго движенія хассидизма въ концѣ XVIII в. М. Буберъ не переводитъ хассидскіе легенды, а пересказываетъ ихъ, сознательно ихъ модернизируя. Въ этомъ его обвиняютъ. Но онъ хочетъ возродить еврейскій религиозный миѣ въ томъ, что есть въ немъ вѣчнаго, способнаго дать духовную пищу и современной душѣ. Еврейскій модернизмъ Мартина Бубера во всемъ противоположенъ еврейскому модернизму Германа Когена, который хотѣлъ очистить религію отъ миѣа и подчинить откровеніе Кантовскому идеализму, т. е. въ концѣ концовъ проповѣдуетъ «религію въ предѣлахъ разума». «Die Chassidischen Buecher» — основная книга Бубера, въ ней хассидскія легенды сопровождаются его введеніемъ и комментаріями. Въ этихъ комментаріяхъ раскрываются основныя религиозныя и религиозно-философскія идеи Бубера. Хассидизмъ есть побѣда подземнаго, мистическаго юдаизма надъ официальнымъ, законническимъ. Хассидскія легенды очаровываютъ этимъ проникновеніемъ

религіознаго начала во всю повседневную жизнь, этимъ характернымъ для вѣрующихъ евреевъ стояніемъ лицомъ къ лицу передъ Богомъ. Хасидизмъ есть радость въ Богѣ. Въ хасидской жизни даже пища становится сакраментальнымъ служеніемъ. Буберъ видитъ сущность хасидской религіозной жизни въ преодолѣніи различія жизни въ Богѣ и жизни въ мірѣ. Религіозная жизнь совсѣмъ не есть уходъ изъ міра. Цѣль-спасеніе, искупленіе. Въ этомъ сходство съ христіанствомъ и, вѣроятно вліяніе христіанства, какъ религіи искупленія. Но по мнѣнію Бубера различіе между юдаизмомъ и христіанствомъ въ томъ, что для юдаизма искупленіе всегда здѣсь и тутъ, въ каждомъ актѣ жизни, для христіанства же, по невѣрному представленію Бубера, оно въ особой, выдѣленной изъ жизни мистеріи. Цадикъ не монахъ и не священникъ, повторяющій свой сакраментальный актъ, а человѣкъ. Богъ можетъ быть виденъ во всѣхъ вещахъ и можетъ быть достигнутъ въ каждомъ чистомъ дѣяніи. Богу нужно служить во всей жизни. Спасеніе человѣка не въ аскетическомъ удаленіи отъ жизни міра, а въ томъ, чтобы всему давать божественный смыслъ. Религія есть переживаемое все, она — въ самой будничной жизни. Юдаизмъ и хасидизмъ въ частности — оптимистичны, они говорятъ «да» міру, имъ чужды пессимистическій элементъ свойственный христіанству. Изначально еврейское оказывается изначально человѣческимъ, это обычная для еврейскаго мессіанизма универсализація. Розенцвейгъ въ своей книгѣ «Der Stern der Erloesung» говоритъ, что преимущество еврея передъ христіаниномъ въ томъ, что еврей для осуществленія религіознаго совершенства не долженъ отказываться отъ себя и своего міра, который есть міръ сотворенный его Богомъ, христіанинъ же долженъ отказаться и отъ себя и отъ своего міра, который есть падшій языческой міръ, долженъ стать совершенно новымъ существомъ. Съ этимъ связанъ большій оптимизмъ и болѣе легкая реализуемость юдаизма, чѣмъ христіанства. Это связано съ инымъ пониманіемъ грѣха и паденія, свободы и благодати. Все таки главное, что приходится сказать Буберу, который не производитъ впечатлѣнія человѣка исключительно замкнутаго въ еврейскомъ мірѣ, это, что юдаизмъ есть религія для евреевъ, а не для всякаго человѣка и не для всего человѣчества, какъ христіанство. Универсализмъ христіанства есть его абсолютное преимущество. Для юдаистическаго сознанія, даже модернизированнаго, есть непреодолимое различіе между эллиномъ и іудеемъ. Тоже самое утверждаетъ и антисемитизмъ, который всегда есть и антихристіанство. Универсалистическое притязаніе еврейскаго мессіанизма, отождествляющаго религіозное и національ-

ное, не разрѣшаетъ вопроса. Христіанство существуетъ и для Бубера, онъ можетъ стать христіанскимъ. Но юдаизмъ, но хасидизмъ не существуетъ и для меня, по настоящему и глубоко я не могу стать адептомъ еврейской религіи. Для меня несомнѣнно, что и въ хасидизмѣ и у М. Бубера есть безсознательное христіанскіе элементы, есть уже христіанская бого-человѣчность, преодолѣніе абсолютной трансцендентности Божества. При чтеніи книгъ Бубера меня поразило, что его истолкованіе юдаизма въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень близко къ моему истолкованію христіанства. Для Бубера Богъ нуждается въ человѣкѣ. Это центрально для его религіозной философіи. Богъ нуждается въ человѣкѣ для своего дѣла. Въ нашемъ мірѣ осуществляется свобода Бога. Міръ не Божья игра, а Божья судьба. Еще въ Кабаллѣ есть ученіе, что Богъ ограничилъ себя въ мірѣ, чтобы быть любимымъ, быть познаннымъ. Богъ хотѣлъ свободы. Эта мысль очень дорога и мнѣ. Она возникаетъ на христіанской почвѣ, такъ какъ христіанство есть религія Бого-человѣка и Бого-человѣчества, религія богочеловѣческая, безконечнаго сближенія божескаго и человѣческаго. Это есть драма любви и свободы между Богомъ и его другомъ. Я не представляю себѣ, какъ это можно утверждать на почвѣ чистаго монотеизма. У Бубера я вижу уже преодолѣніе такого чистаго монотеизма. Для Бубера религіозный первофеноменъ есть діалогъ.

Израиль говорилъ съ Богомъ лицомъ къ лицу. Происходитъ встрѣча человѣка (я) съ Богомъ (ты). Поэтому Буберъ говоритъ, что первоначально «отношеніе». У Бубера есть родство съ діалектической теологіей. Но теологія Бубера болѣе послѣдовательно діалогична, чѣмъ въ бартіанствѣ, ибо человѣкъ не только слушаетъ, но и отвѣчаетъ. И Богъ нуждается въ отвѣтѣ человѣка. Вся религіозная жизнь діалогична. Діалогично отношеніе «я» и «ты», что и есть основа религіи, первичное въ ней. Самая замѣчательная книга Бубера называется «Ich und Du». Это небольшая, но очень насыщенная и концентрированная книга, въ ней дана основа религіозной философіи Бубера. Есть Ich (человѣкъ), есть Du (Богъ) и есть Es (оно, безличное, міръ вещей). Ich и Du не вещи, а отношенія. Легенда для Бубера и есть ничто иное какъ мнѣ о «я» и «Ты», о призывающемъ и призываемомъ. Нѣтъ «я» самаго по себѣ, а лишь въ отношеніи къ «Ты» и «оно». «Ты» для «я» не есть вещь среди вещей. «Ты» для «я» не опытъ, а именно отношеніе. Слова «я—ты» говорятся всѣмъ существомъ. Между «я» и «Ты» нѣтъ посредника въ понятіи или въ фантазіи, это отношеніе первичное. Но «ты» можетъ превратиться въ «оно» (Es). Богъ можетъ стать не «ты» для меня, а «оно», объектомъ.

И это происходит съ религиознымъ первофеноменомъ въ исторіи. Объектъ есть всегда «оно», а не «ты», отношеніе сознанія къ предмету. «Я» о «оно» (Es) есть раздѣленіе, между ними нѣтъ первичнаго отношенія. Первично лишь отношеніе къ «ты», а не воспріятіе вещи. «Ты» не знаетъ координаціи, знаетъ лишь «оно». Для Бубера есть Duwelt и Eswelt. Только Duwelt есть міръ откровенія и религиозной жизни. Eswelt есть объективация. Но «ты» никогда не есть объективация. Буберъ опредѣляетъ духъ, какъ отвѣтъ чловѣка «ты». «Я» въ отношеніи къ «ты» — личность, въ отношеніи къ «оно» — субъектъ. Отношеніе «я» и «оно» есть координація субъекта и объекта. Богъ не открывается въ отношеніи субъекта, Богъ открывается, какъ «ты», а не какъ объектъ. Эти центральныя для Бубера мысли имѣютъ не только религиозную, но и большую философскую цѣнность. Философія Бубера можетъ быть сблизена съ такъ называемой экзистенціальной философіей. Экзистенціальной міръ не есть міръ объективированный, не есть Duwelt, въ немъ даны «я» и «ты» и ихъ первичное отношеніе. Но въ отличіи отъ экзистенціальной философіи Гейдеггера и Ясперса экзистенціальная философія Бубера носитъ религиозный характеръ. Въ этихъ мысляхъ Бубера нѣтъ обязательной связи съ юдаизмомъ, онѣ вполне пріемлемы для христіанскаго сознанія и можетъ быть даже еще болѣе пріемлемы. Религиозное мышленіе Бубера стоитъ выше официальнаго, школьнаго богословствованія, для котораго между «я» и «ты» стоитъ понятіе и Богъ превращень въ Eswelt. Но мысль Бубера нуждается въ дополненіи. Кромѣ «я» и «ты» есть еще «мы», есть непосредственное, первоначальное отношеніе «мы» и «ты». Это «мы» раскрывается въ экзистенціальности церкви. Продолженіемъ книги «Ich und Du» является небольшая книга «Zwiesprache». Очень замѣчательно опредѣленіе Бубера, какъ Слово Божье доходитъ до чловѣка. Слово Божье не падаетъ такъ, что я знаю, каково оно, но падаетъ, какъ метеоръ, свѣтъ его входитъ въ мои глаза, но самого метеора я не вижу. Въ этой книгѣ Буберъ возвращаетъ насъ къ основной темѣ о «я» и «ты». Когда два говорятъ другъ другу «это ты», происходитъ между ними вхожденіе въ бытіе. Это есть для Бубера путь къ подлинному бытію, которое въ Eswelt закрывается. Буберъ ставитъ также очень важную и мало еще разработанную проблему коллективности и общенія. Коллективность для него есть не связь, а связанность. Это и есть принудительный социальный міръ. Связь есть общеніе. Общеніе предполагаетъ, что люди не другъ около друга, а другъ у друга. Но эти мысли у Бубера недостаточно развиты. Это вѣдь и есть проблема «мы». Можно было бы сказать, что коллективность

есть порядокъ природный, общеніе же есть порядокъ благодатный. Соціальная проєкція релігійної філософії Бубера недостатчно ясна. О его книгѣ «Koenigtum Gottes» говорить еще преждевременно, такъ какъ вышелъ лишь первый выпускъ. Его хасидскія легенды есть художественная обработка въ конкретной формѣ темы о «я» и «ты». Въ одномъ мѣстѣ Буберъ говоритъ объ опасности, сакраментально-культовой релігії для отношенія чловѣка къ Богу въ мірѣ и жизни. Можно было бы сказать, что въ сакраментально-культовой сторонѣ релігії легко переходъ къ объективации, т. е. къ Eswelt. Этому противостоитъ пророческая сторона релігії. Но объ этомъ специально Буберъ не говоритъ. Онъ говоритъ также о борьбѣ релігії съ міеомъ. Со стороны недостаточно ясно отношеніе Бубера къ официальному юдаизму, къ преобладающему направленію еврейской релігії. Пропитанный мистическими традиціями Кабаллы и хасидизма онъ несомнѣнно выходитъ за предѣлы конфессіональности, онъ входитъ въ общее русло мистическихъ и духовныхъ теченій чловѣчества. Но основнымъ остается вопросъ объ отношеніи юдаизма и христіанства. Что думаетъ Буберъ о Христѣ? Не произошла ли окончательная и основоположная для судебъ міра встрѣча «я» и «ты» въ Бого-чловѣкѣ Христѣ? Буберъ придаетъ огромное значеніе свободѣ, онъ связываетъ судьбу со свободой. Но для встрѣчи «я» и «ты», для дѣйствительнаго отвѣта чловѣка Богу въ чловѣкѣ долженъ быть элементъ не сотворенной, не отъ Бога полученной, примордіальной свободы. Эта проблема мнѣ представляется основной проблемой релігійной філософії. Съ этимъ связана и дѣйствительная діалогичность отношенія между «я» и «ты». Книги Бубера во всякомъ случаѣ должны быть признаны выдающимся явленіемъ въ релігійной мысли Европы.

Николай Бердяевъ

Византійскіе Отцы V-VIII. Свящ. Г. В. Флоровскій. Парижъ, 1933.

Нельзя не привѣтствовать выхода въ свѣтъ книги отца Георгія Флоровскаго, восполняющей крупный пробѣлъ въ русской исторіи византійской духовности. Она является продолженіемъ и завершеніемъ перваго, не менѣе солиднаго, труда того же автора: *Восточные Отцы IV вѣка* (Парижъ, 1931).

Золотой вѣкъ творческой христіанской мысли несравнен-